

Валерий Григорьевич Исаченко,
архитектор, художник

В Доме на Большой Морской

Общая на Большой Морской, 52, архитекторы всегда называли просто Домом. В этом очерке – воспоминания о тех ветеранах ленинградского послевоенного зодчества, для которых изобразительное искусство, и прежде всего живопись и графика, стало второй и даже главной профессией. Некоторые из них и в наши дни выставляют свои произведения на городских и зарубежных выставках. Я расскажу лишь о тех архитекторах и преподавателях, кто работал в одной из лучших изостудий Ленинграда, располагавшейся в Доме архитектора, где в 1960–1970-х годах я был старостой.

Мне не избежать громких слов – в течение нескольких десятилетий здесь был подлинный оазис искусства. Маститые зодчие и начинающие архитекторы, виртуозы рисунка и акварели и ещё малоопытные энтузиасты – все были равны, все были собратями по искусству. Здесь почти не говорили о своём архитектурном творчестве, всех сближала живопись. В уютную просторную комнату (затем студия получила двухкомнатную не менее уютную квартиру во флигеле с видом на Мойку) ежедневно, после работы в проектных институтах спешили архитекторы разных поколений, чтобы погрузиться в другой мир, другое пространство. Здесь позировали лучшие натурщицы, и среди них незабвенная Лиа – роскошная блондинка, не менее колоритная, чем модели Рубенса и Кустодиева. Когда ей было 6 лет, её рисовал

«Незабвенная Лия».
Рис. В. Г. Исаченко. 1962 г.

В. И. Малагис.
Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Малагис_Владимир_Ильич

К. С. Петров-Водкин, а в день её 30-летия (1962 г.) – автор этих строк.

Имя Петрова-Водкина было особенно дорогим для нас – ведь наши преподаватели были его учениками! Жаль, что тогда я не догадался записать их рассказы о великом художнике и ...писателе (не все знают о его второй профессии).

Когда я впервые пришёл в студию в 1961 году, меня тепло принял и усадил перед натурщицей Владимир Ильич Малагис (1902–1974) – один из видных «водкинцев». Удивительно, но факт: акварельный этюд получился лучше тех, которые я выполнил позднее, уже имея немалый опыт. Малагис оценил живопись, деликатно отметив погрешности рисунка.

После Малагиса рисунок вела великолепный живописец и график, строгий педагог, обаятельная Лия Александровна Острова (1914–2009). О ней можно говорить бесконечно. Мы стали друзьями, она относилась ко мне с материнской нежностью, но была чрезвычайно требовательна и даже придирчива: «Раз уж Вы сюда приходите, да ещё так часто – извольте быть художни-

ком». Её (и моим) идеалом был Сергей Прокофьев, а в поэзии – Маяковский и Леонид Мартынов. Она и сама писала хорошие стихи. Лия Александровна была прекрасным рисовальщиком и графиком, но прежде всего живописцем. В её огромном наследии – большие многофигурные композиции, портреты (два портрета С. С. Прокофьева), пейзажи, натюрморты. Особенно хороши летние пейзажи и натюрморты с сиренью. Сирень она писала много и с каким-то восторгом, но здесь у неё был серьёзный соперник – К. А. Коровин, первенство которого она признавала. Любимый цвет – зелёный с множеством оттенков. Мне она нередко говорила: «Почаще смотрите на зелень – полезно для глаз». Она умела за один сеанс написать отличный портрет, а за 3–5 минут сделать набросок, равный длительному рисунку. Её работы с удовольствием покупали иностранцы, особенно японцы. У нас её работ осталось не так уж много (роковые 90-е).

Преподавателем живописи был замечательный художник, интеллигентнейший и мудрый Лев Израилевич Вольштейн (1906–1984). Он обожал своего учителя Петрова-Водкина, знал русскую и европейскую живопись лучше любого искусствоведа, и я до сих пор слышу его голос, его меткие замечания и советы. Особенно радостно было, когда он усаживался рядом, брал кисть и как-то по-особенному деликатно поправлял рисунок: «Глав-

Л. А. Острова.

Источник: http://www.art-auction.ru/painters_detailed.php?id=9

ное – тон!». Когда я (или другие студийцы) после этого смотрели на свою работу, то оказывалось, что она закончена. Всего лишь несколько штрихов и мазков и всё! «Что же Вы не продолжаете?». Я отвечал, что не знаю, что ещё нужно делать, тогда он предлагал начать новый этюд. Не забыть тот день, когда я увидел любимого педагога хмурым и каким-то озабоченным – он прочитал в газете мои первые очерки: «Что же, Вы теперь будете искусствоведом? А как же живопись?». Я успокоил его, сказав, что искусству никогда не изменю. Как и все истинные художники, он с недоверием относился к всевозможным «...ведам» и считал, что сами художники должны говорить и писать «о времени и о себе».

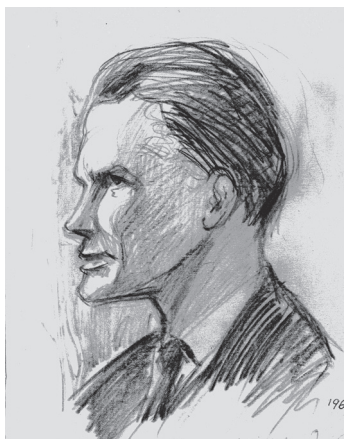
Л. И. Вольштейн был не просто педагогом – он был Учителем в широком смысле слова. Я помню его высказывания о Пушкине и Блоке, Чайковском и Бетховене, а Тициан и Рембрандт для него были родными, как члены семьи. Вместе с ним мы обсуждали новые выставки, показывали ему работы, сделанные вне студии, и это всегда было интересно и неповторимо. Элегантный, в белоснежной рубашке, не имевший ничего общего с богемой, он навсегда запомнился уважительным отношением к каждому из нас, индивидуальным подходом к каждому. Не было в нём

Л. И. Вольштейн

ни зависти к коллегам, ни желания кого-то уязвить. Его тонкий юмор, изящная ирония были очаровательны. Но самое привлекательное в нём с особой остротой ощущается сегодня – великолепная, истинно русская литературная и в то же время живая и неторопливая речь, которой ныне не владеет никто из окружающих меня людей. Я до сих пор помню не только его слова и фразы, но и интонацию и саму магию слов, каждое из которых было поистине снайперским попаданием в цель.

Каждый из наших учителей был уникален, каждый был Личностью, и все они связывали нас с великими классиками. Для меня Петров-Водкин и его одногодки Кустодиев, Малевич, Кузнецов, скульптор Матвеев и ряд других – старшие современники, ушедшие из жизни слишком рано, кроме великого Павла Варфоломеевича Кузнецова, которого наши учителя называли живой легендой. Он ушёл из жизни в 1968 году, когда состоялась моя первая персональная выставка. Её особенностью было то, что среди 60 работ были портреты людей, которых в детском возрасте рисовали Кустодиев, Петров-Водкин и другие Мастера.

*А. В. Шмидт.
Рис. В. Г. Исаченко. 1964 г.*

И, наконец, художник-фронтвик Александр Владимирович Шмидт (1911–1987), предки которого приехали в Белоруссию из Саксонии. Я учился у него ещё задолго до изостудии в Доме архитектора – в прекрасной студии Выборгского дворца культуры, куда пришёл, учась в 9 классе школы. Для Шмидта живопись была самой жизнью. Его любимым сюжетом был канал Грибоедова, и он нередко отправлял меня туда – в определённое время дня, на определённое место. Он бурно радовался нашим успехам, сам (!) оформлял наши работы для выставок, рисовал афиши и устраивал обсуждения. Страсть к живописи естественно сочеталась у него с даром просветителя-публициста, как и у его учителя Петрова-Водкина. Широта его кругозора, изумительный вкус и деликатность, как и ненависть к пошлости во всех её проявлениях запомнилась навсегда. Шмидт бывал дома у многих из нас, и мы бывали у него. Его обычное приглашение: «Принеси последние этюды». И он анализировал каждый рисунок, каждый этюд, иногда говоря: «Сходи в Русский музей, посмотри, как это сделано у Коровина». Могу без преувеличения сказать,

что ни один искусствовед не умел так убедительно и доходчиво говорить о самых сложных явлениях живописи как Шмидт. Его рассказы обычно становились импровизированными лекциями о Ван Гогге, Сезанне, Матиссе, Кандинском. С захватывающим интересом мы слушали его рассуждения о Льве Толстом и Тургеневе – в них было немало субъективного, но всегда было интересно – он любил спорить и соглашался с оппонентом, если тот был прав.

Однако самым интересным для каждого из нас были те часы, когда Александр Владимирович раскладывал на столе или даже на полу наши работы и начинал подробно их анализировать, весьма темпераментно отмечая достоинство и недостатки. Его советы были конкретны, для каждого он находил свои слова. Как и большинство художников-фронтовиков, Шмидт не умел, да и не пытался искать выгодные заказы, жил более чем скромно. Многие свои пейзажи и портреты высокого уровня дарил, а они могли бы украсить музеи. Мало кто сегодня знает, какой огромный пласт послевоенного ленинградского искусства оказался утраченным – сотни превосходных картин и этюдов разошлись в неизвестных направлениях, за бесценок ушли за границу. Я был у него накануне кончины – еле слышным голосом Шмидт говорил о самых дорогих людях на земле – о Сезанне и Ван Гогге. Это были его последние слова. Надо ли говорить, что и для меня эти люди святые. И как не вспомнить фразу Кустодиева: «Разве Рембрандт не наш?». Везде, где преподавал Шмидт, он садился у мольберта и с необыкновенным энтузиазмом рисовал или писал вместе с нами, огорчался почти по-детски, морщился и бросал в урну свою неудачную (по его мнению) работу.

В Доме на Б. Морской в разные годы преподавали также отличный график А. Г. Слепков и обаятельный М. Г. Некрасов. Низкий им поклон!

Перед моим мысленным взором встаёт внушительная фигура немногословного старосты, рисовальщика, архитектора Дмитрия Семёновича Дорошенко (1912–1964). Потомок гетмана Украины, влюблённый в живопись Ренессанса, после поездки в

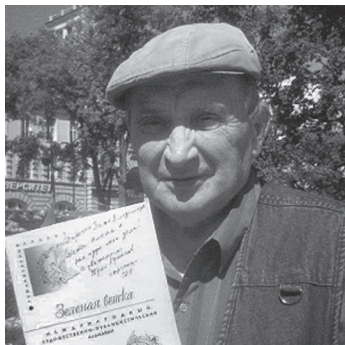
Италию он уже не мог жить без Рафаэля и Тициана. Его жена говорила мне, что в конце своей короткой жизни он повторял эти великие имена.

Скромный и деликатный, разносторонне одарённый – Владимир Сергеевич Васильковский (1921–2002), ставший гордостью ленинградской архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, профессор ЛВХПУ им. В. И. Мухомовой, в нашей изостудии восхищал всех виртуозными композициями, сделанными сразу же с натуры. Они отличались яркой индивидуальностью почерка. Мне повезло – мы обычно сидели рядом и с любопытством смотрели на рисунки друг друга. Их сходство порой удивляло, хотя я не пытался подражать старшему товарищу.

Великолепный акварелист Николай Алексеевич Зазерский (1907–1980), кавалер ордена Славы, известен больше как живописец (масло, темпера, акварель), хотя он был одним из авторов послевоенных домов в Петергофе, на проспектах Б. Сампониевского и Энгельса, Заневской площади и др. Живопись была его богом. Он был сыном и учеником выдающегося зодчего А. И. Зазерского, погибшего в блокадном Ленинграде. Николай Алексеевич обожал отца – зодчего с богатым дореволюционным опытом и принявшего революцию: «Батя был настоящим человеком – не в пример иным, кто держал кукиш в кармане, но с партбилетом». Под влиянием отца Николай избрал профессию архитектора, хотя его больше притягивала живопись. Ещё до войны он успел осуществить ряд проектов совместно с отцом, который привлекал всех постоянным горением и энергией. После войны Зазерский-младший – в Ленпроекте. Коллеги о нём вспоминали: «Коля чертить не любил, хотя архитектурной графикой владел отлично». Он преображался за мольбертом, к нему он стремился всегда, работал в разных жанрах. У него дома было много предметов для натюрмортов. Зазерский участвовал в выставках художников и архитекторов.

Почему же эти и многие другие люди выбрали своей профессией архитектуру, а не живопись или графику? Одна из главных причин – стремление строить и возрождать страну после войны.

Ю. К. Куликов.

Источник: [http://spbsh.ru/felows/1891/#!prettyPhoto\[gallery1\]/0/](http://spbsh.ru/felows/1891/#!prettyPhoto[gallery1]/0/)

К тому же эта профессия давала постоянный и более надёжный заработок.

В 1960–1970-х годах весь Ленинград знал рисунки Юрия Константиновича Куликова (1935–2009), т. к. его городские пейзажи в графике печатались во всех ленинградских газетах. Архитектор по образованию, он почти сразу сосредоточился на графике и живописи. Его внушительную фигуру с огромной папкой в руках знали не только в нашей студии, где он вызывал какой-то трепет (ему никто не делал замечаний, даже педагоги), но и в городе. Он умел находить

свежее и новое в самых известных и хрестоматийных местах города. Ленинград Куликова для нас, близко знавших его, такое же понятие как Петербург Добужинского и Остроумовой-Лебедевой. Я уже не говорю о его фантастическом благородстве, отзывчивости и бескорыстности.

Однажды я привел в студию незаурядного (на мой взгляд, гениального) художника-авангардиста Владимира Андреевича Лисунова (1940–2000), уже известного за рубежом. Он рисовал вместе с нами и позировал – в эффектной красной рубашке, похожий на Че Гевару. Все мои акварели с него получились очень слабыми. Жаль!

Конструктор, своеобразный рисовальщик, большой знаток и поклонник Веласкеса, Леонид Исаакович Стернин совместно с архитектором А. И. Шипковым создал уникальные проекты домов-комплексов для Крайнего Севера. Эти новаторские проекты получили признание в мире и вызвали восторг у кинорежиссёра С. А. Герасимова. Мы их увидели в фильме «Любить человека». Герой актёра Солоницына – это Шипков и Стернин в одном лице.

Великолепный акварелист, друг Стернина, Александр Акимович Левешко; один из авторов послевоенного жилого района

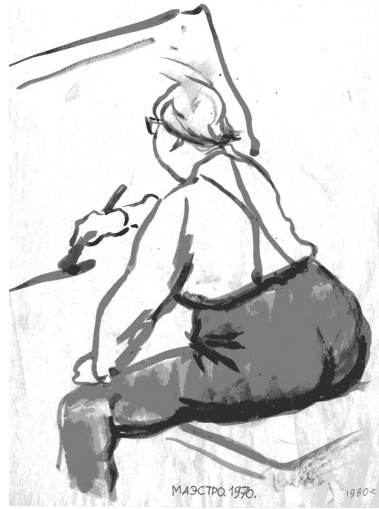

у метро «Удельная» Валерия Яковлевна Душечкина; мостостроитель Пётр Артемьевич Арешев; автор множества школ, главный архитектор Ленинградской области Леонид Евгеньевич Асс; мой старинный друг Виктор Иванович Матасов; живописцы Борис Михайлович Краюхин и Георгий Васильевич Рахлов... Каждый из них (а их было очень много) – Личность.

Зарифа Павловна Ивкина. Искусствовед с богатейшим и разнообразным опытом, человек высокой культуры и безупречного вкуса. Именно она на протяжении десятилетий была организатором всех выставок в Доме архитектора – индивидуальных и коллективных. Стремительная и вдохновенная, она была истинным художником в своём деле, став символом Дома. Её любили и уважали все.

К сожалению, я почти ничего не знаю о довоенной истории изостудии. От ветеранов знаю, что здесь преподавали Владимир Ариевич Гринберг (1896–1942), выдающийся мастер ленинградского авангарда, один из основоположников ленинградской пейзажной школы, портретист и знаменитый Николай Андреевич Тырса (1887–1942). Интересно, что на выставке Тырсы в Русском музее мы увидели нашу натурщицу у того же кресла, что стояло у нас в студии.

Этот очерк – всего лишь скромная дань памяти о замечательных людях, с которыми меня свела жизнь.

*Маястро. Рис. В. Г. Исаченко.
1970 (1980-е гг.?)*